

В. И. Рассадин

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

В. И. Рассадин

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

Под редакцией А. В. Дыбо

Нестор-История
Санкт-Петербург
2019

УДК 81-23
ББК Ш163+Ш163-3+Ш164.3
Р24

Ответственный редактор:
член-корреспондент РАН, доктор филологических наук,
профессор *А. В. Дыбо*

Рецензент:
доктор филологических наук,
профессор *С. М. Трофимова*

Р24 Рассадин В. И.

Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности / под ред.
А. В. Дыбо. — СПб. : Нестор-История, 2019. — 608 с.

ISBN 978-5-4469-1609-2

Монография посвящена одной из основополагающих, причем спорных проблем алтаистики — проблеме сложения и существования тюрко-монгольской языковой общности, наличие которой, по мнению автора, фактически легло в основу гипотезы генетического родства так называемых алтайских языков: тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских.

Разделяя контактную теорию появления огромного количества общих элементов между тюркскими и монгольскими языками, автор предпринимает в данном исследовании попытку показать и обосновать, что тюрко-монгольская языковая общность в основном сложилась в результате тюркского влияния на лексику монгольских языков, начавшегося еще в общемонгольскую эпоху и продолжавшегося в последующие исторические периоды развития уже конкретных монгольских языков и их ареалов.

Книга предназначена специалистам в области истории тюркских и монгольских языков, алтаистам, компаративистам-лексикологам, а также всем, кто интересуется контактами тюркских и монгольских народов и их языков

УДК 81-23
ББК Ш163+Ш163-3+Ш164.3

ISBN 978-5-4469-1609-2

© В. И. Рассадин, наследники, 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

Оглавление

От редактора 5

ПРЕДИСЛОВИЕ 13

ГЛАВА I ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ

1.1. К проблеме формирования монгольских языков в двух ареалах..... 19
1.2. Критерии выделения тюркизмов и монголизмов
из состава тюрко-монгольской языковой общности 30
1.3. Роль контактов в образовании тюрко-монгольской языковой общности 37
1.4. О временной стратификации тюркского влияния на монгольские языки 41
1.5. О тюркском влиянии на развитие монгольских языков 42

ГЛАВА II О ТЮРКСКОМ ВЛИЯНИИ НА ЛЕКСИКУ ОТДЕЛЬНЫХ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ

2.1. Тюркизмы общемонгольского характера..... 46
2.1.1. О тюркском происхождении комплекса
общемонгольской номадной лексики 57
2.1.2. О тюркском происхождении некоторых общемонгольских
шаманистических терминов 66
2.2. Ареальные тюркизмы в монгольских языках..... 70
2.3. Тюркизмы в бурятском языке 74
2.4. Тюркские лексические элементы в калмыцком языке 106
2.5. Тюркизмы в халха-монгольском языке 118
2.6. Тюркские элементы в языке «Сокровенного сказания монголов» 122
2.7. Об одной монгольско-тюркской корреспонденции в морфологии 127

ГЛАВА III МОНГОЛЬСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ЛЕКСИКУ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

3.1. Критерии выделения монголизмов из состава тюрко-монгольской
языковой общности 137
3.2. Монгольские заимствования в алтайском языке и его диалектах 141
3.3. Монгольские заимствования в хакасском языке и его диалектах 208
3.4. Монгольские лексические заимствования в языке сойотов Бурятии 258
3.5. Монгольские лексические заимствования в тюркских языках
Южной Сибири 293
3.6. Монгольские заимствования в казахском языке 299
3.7. Бурятизмы в якутском языке..... 320

ГЛАВА IV СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

4.1. К истории изучения словообразования в отечественной монголистике
и тюркологии 329

4.2. Аффиксальное словообразование имен существительных в монгольских и тюркских языках.....	335
4.3. Аффиксальное словообразование имен прилагательных в монгольских и тюркских языках	346
4.4. Имена числительные в монгольских и тюркских языках.....	355
4.5. Аффиксальное словообразование глаголов в монгольских языках в сравнении с тюркскими языками.....	364
4.6. Аффиксальное словообразование наречий в монгольских и тюркских языках.....	377
4.7. Местоимения в монгольских и тюркских языках.....	382

ГЛАВА V

ФОРМООБРАЗОВАНИЕ В МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

5.1. Категория числа в монгольских и тюркских языках	403
5.2. Категория залога в монгольских и тюркских языках.....	406
5.3. Из истории изучения неличных форм глагола в монгольских языках	407
5.4. О системе причастий в монгольских и тюркских языках	420
5.5. Деепричастия в монгольских и тюркских языках	432

ГЛАВА VI

СЛОВОИЗМЕНЕНИЕ В МОНГОЛЬСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

6.1. Об особенностях категории склонения в монгольских и тюркских языках ...	435
6.2. О системе наклонений глагола в монгольских и тюркских языках	441

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	461
------------------	-----

БИБЛИОГРАФИЯ	482
--------------------	-----

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	504
---------------------------	-----

СПИСОК ИНФОРМАТОРОВ.....	508
--------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЕ

СЛОВАРЬ ТЮРКСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ.....	511
--	-----

ОТ РЕДАКТОРА

Новая, к прискорбию, посмертно выходящая книга выдающегося советского и российского алтаиста, крупнейшего исследователя проблемы тюрко-монгольских контактов Валентина Ивановича Рассадина посвящена задаче подробного обоснования контактного происхождения всех достоверно сопоставляемых корневых, словообразовательных и словоизменительных морфем тюркских и монгольских языков. В частности, близкая лексика в тюркских и монгольских языках, относящаяся к особенностям образа жизни кочевого скотовода, обоснованно трактуется как следствие заимствования из тюркских языков в монгольские, сопряженного с влиянием этого самого тюркского образа жизни на монгольский. Книга продолжает и развивает положения целого ряда предшествующих публикаций автора. Многие его статьи вошли в текст монографии в дополненном и переработанном виде. То же относится к книгам последних десятилетий [Рассадин 2007; 2008; Рассадин, Трофимова 2012].

Читатель — специалист по тюркским и монгольским языкам — найдет в этой работе, во-первых, приближенную к полной подборку этимологических предложений по лексике и грамматике контактного происхождения; многие из них впервые выдвинуты В. И. Рассадиным и могли быть сделаны только таким блестящим знатоком (в том числе практически говорящим) нескольких монгольских и сибирско-тюркских языков, как он. Во-вторых, книга содержит описание правил адаптации и предположения о временной стратификации заимствований; во всяком случае, для монголизмов в сибирско-тюркских языках эта проблематика здесь надежно отработана. В-третьих, выводы о наличии и времени прохождения контактов сопровождаются адекватными историко-археологическими комментариями. Кроме того, В. И. Рассадин выдвинул совершенно неоспоримые методологические принципы анализа этимологического материала, согласно которым следует производить отнесение его к контактному либо генетически общему фонду.

Не все высказанные В. И. Рассадиным положения кажутся редактору абсолютно верными. В частности, скорее неверно высказывание, что существование тюрко-монгольской языковой общности «фактически и легло в основу гипотезы генетического родства так называемых алтайских языков: тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских» (с. 13). Во-первых, представление об алтайском родстве как родстве трех семей значительно устарело. Можно начать с работ Е. Д. Поливанова и Г. Рамстедта, в которых продемонстрирована возможность корейско-японского родства и принадлежности этой гипотетической

семьи к алтайской общности; алтайские отношения японского и корейского достаточно убедительно показаны Р. Миллером и С. Мартином и доказаны на обширном материале С. А. Старостиным и продолжившей его исследования в этой области М. Роббеетс. Во-вторых, заключение о том, что представления об алтайском родстве базируются прежде всего на тюрко-монгольских сходствах, ошибочно, хотя и весьма распространено среди антиалтаистов. В вышедшей в 2003 г. под редакцией Ю. Янхунена коллективной монографии «The Mongolic Languages», в разделе «Turco-Mongolic relations» К. Шёниг пишет: «In the general context of comparative Altaic linguistics, the Turco-Mongolic relations are of crucial importance. Not only was the Altaic hypothesis originally based mainly on the Turco-Mongolic comparative corpus, but also the potential disqualification of the genetic framework depends on how this corpus is interpreted». Но это неверно. В сущности, на тюрко-монгольском корпусе сближений основана прежде всего сравнительная грамматика Н. Н. Поппе [Poppe 1960], которая явилась упрощением и в некотором роде шагом назад по сравнению с «Введением в алтайское языкознание» Г. Рамстедта [Ramstedt 1957; Рамстедт 1957]. Вот данные по соотношению между «алтайскими» сближениями чисто тюрко-монгольскими и любого другого состава в морфологической части труда Г. Рамстедта: среди падежных флексий — 1 тюрко-монгольская, 8 иных, среди формантов мн. ч. — 1 тюрко-монгольский, 3 иных, среди числительных — 2 тюрко-монгольских, 3 иных, среди местоимений — 0 тюрко-монгольских, 7 иных, среди формантов глагольного словоизменения — 4 тюрко-монгольских, 19 иных, глагольного словообразования — 1 тюрко-монгольский, 9 иных. Примерно так же, только, конечно, с меньшей долей сопоставлений, проходящих по всем четырем (у Рамстедта состав алтайской семьи — тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские и корейский языки, еще без японского) сравниваемым семьям, устроена и вводимая им в сравнение лексика. Действительно, сопоставления Поппе — прежде всего тюрко-монгольские и затем тунгусо-монгольские (по указателю Стрита [Street 1974] — 250 тюрко-монгольских этимологий при 154 сопоставлениях в трех семьях, 110 тунгусо-монгольских, 36 тюрко-тунгусо-маньчжурских; корейский у Поппе не рассматривается); причем, поскольку ученый использовал в первую очередь эвенкийскую и маньчжурскую лексику, переполненную относительно новыми монголизмами, а важный источник для установления пратунгусо-маньчжурского характера слова [Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков 1975–1977] был для него еще недоступен, здесь в сравнение попали по большей части заимствования. Парадоксальным образом ос-

новная антиалтайская критическая литература (которая пытается отрицать сам факт родства между этими языками) появляется после выхода работы Поппе, критикует сближения Поппе, не удостоивая внимания, например, корпус сближений, предложенных В. М. Иллич-Свитуычем [Иллич-Свитуыч 1963; 1965] или В. И. Цинциус (особенно [Цинциус 1974]). Между тем именно в этих и последующих работах устанавливается нетривиальная система консонантных соответствий между тремя «материковыми» алтайскими семьями, приводящая к реконструкции тройного противопоставления взрывных по ларингальным признакам; полученные соответствия оказались, во-первых, настолько сложными и, во-вторых, позволили настолько увеличить корпус этимологических сближений, что объяснение всего этого через многоэтапные заимствования выглядит неоправданным размножением сущностей и должно быть элиминировано просто применением бритвы Оккама.

Заслуживают нескольких замечаний использованные автором источники. При работе по выяснению направления и времени контактов абсолютно необходимо выявлять представленность потенциально заимствования в обеих сравниваемых группах языков — это может быть существенно для решения вопроса по каждому слову. В. И. Рассадин принципиально использует только «основные монгольские языки» — фактически это только северно-монгольская группа, халха, бурятский, калмыцкий, ордосский; материал по другим северно-монгольским языкам и диалектам Внутренней Монголии, прежде всего по чахарскому и ойратскому языку Синьцзяна берется спорадически (хотя имеется объемный словарь [Тодаева 2001]). Не попали в данное исследование формы могольского и южномонгольских языков, среди них монгурского и дагурского, лексика которых тоже, в общем, прилично зафиксирована. Действительно, монголисты обычно пренебрегают их данными, поскольку считается, что это пиджинизированные китайским языки, «не сохранившие исконно монгольских особенностей». Однако исконно-монгольскую лексику они в части случаев сохранили, она легко отделяется от китайских заимствований, а поскольку это ветви монгольских языков, отделившиеся от общемонгольского состояния раньше, чем разошлись между собой северно-монгольские языки, то наличие в них рефлексов рассматриваемых лексем может быть для интересующих нас вопросов весьма существенным. Когда В. И. Рассадин пишет о прамонгольском происхождении (заимствовании в прамонгольский) или общемонгольском распространении какого-либо явления, то следует учитывать, что обычно фактически это прасеверномонгольское происхождение. Южномонгольскую представленность явления можно

проверить по книге [Nugteren 2011]; ниже в примечаниях от редактора упомянуты случаи, когда для предполагаемо общемонгольского слова действительно отсутствуют южномонгольские свидетельства.

Примерно то же можно заметить в отношении использованного исторического материала. Письменно-монгольский по большим словарям [Lessing 1960; Ковалевский 1841–1849; Голстунский 1938] довольно бездоказателен в отношении древности рассматриваемых слов, поскольку это сводные словари (словарь Лессинга к тому же в действительности — словарь халха с письменно-монгольскими написаниями, принятыми в халхасском изводе старомонгольского). Данные же среднемонгольских и так называемых преклассических письменно-монгольских памятников работа учитывает спорадически (в настоящее время достаточно удобным источником по последним является книга [Tumurtoogo 2006]).

К сожалению, В. И. Рассадин не успел учесть в своем труде ряд этимологических работ, занимавшихся проблематикой тюрко-монгольских контактов, в том числе антиалтаистической направленности. В первую очередь это [Doerfer 1963; 1985; Clark 1977, 1980; Nugteren 2011; Rozycki 1994; Rybatzki 2003]. Не использованы и контактные гипотезы, выдвинутые в [Starostin & al. 2003]. В части случаев в этих работах более подробно, чем в настоящем труде, обосновано направление заимствований, не всегда совпадающее с постулируемым здесь. В примечаниях мы постарались отразить эти гипотезы.

Несомненно, неполное использование материала связано не в последнюю очередь с тем, что последние годы Валентин Иванович вел буквально подвижническую жизнь, не прекращая исследований, несмотря на множество изнурительных болезней, в том числе постоянно ухудшающееся зрение, что не позволяло ему тщательно редактировать свои труды и читать новые работы коллег. Заинтересованный читатель может воспользоваться упомянутыми выше дополнительными источниками, чтобы составить собственное мнение о полноте обоснования выводов В. И. Рассадина и о вкладе генетического и ареального факторов в происхождение и современное состояние тюрко-монгольской общности и алтайской семьи в целом.

Несколько слов об особенностях графики, употребляемой в книге при записи примеров. В. И. Рассадин регулярно употребляет для записи палатального глайда (в МФА [j]) *j* в латинографическом изображении тюркских примеров и *у* в латинографическом изображении монгольских примеров; *j* в латинской записи монгольских примеров обозначает палатальную звонкую аффрикату [jʒ]. Кириллическое изображение

тюркских и монгольских примеров приводится в соответствии с орфографией; j в орфографии алтайского языка обозначает палатальный взрывной [j]. В латинской записи примеров из алтайских диалектов и литературного языка мы, чтобы избежать неоднозначности, проставили обозначение глухого (сильного) и звонкого (слабого) палатального взрывного соответственно как *č* и *ċ*. В латинской транскрипции, созданной В. И. Рассадиным для тофаларского языка, этим сущностям отвечают палатальные аффрикаты, сильная *ħś* и слабая *ħź*.

А. В. Дыбо
12 апреля 2020

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ СЛОЖЕНИЯ
ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа посвящена одной из важнейших проблем алтаистики, актуальной и в наши дни, — проблеме сложения и истории развития тюрко-монгольской языковой общности, реальное существование которой фактически и легло в основу гипотезы генетического родства так называемых алтайских языков: тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских. Огромное количество лексических и морфологических элементов, общих для тюркских и монгольских языков (В.Л. Котвич [Котвич 1962: 351] говорит, кстати, о наличии приблизительно 25% общих лексических и 50% общих морфологических тюрко-монгольских элементов, в тунгусо-маньчжурских же языках лексических элементов, общих с монгольскими и тюркскими, не более 10%, морфологических — около 5%), выявленных усилиями нескольких поколений алтаистов, привело к предположению о том, что эти элементы являются якобы наследием того тюрко-монгольского праязыка, который существовал некогда в течение длительного времени после распада алтайской языковой общности, и что установленная ныне так называемая тюрко-монгольская языковая общность представляет собой остатки этого тюрко-монгольского праязыка.

Долгое время компаративисты занимались в основном выявлением фонетических, лексических и морфологических элементов, общих для тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, а впоследствии главным образом тюркских и монгольских, с целью найти убедительные доказательства генетического родства этих языков. Любые выявленные звуковые совпадения, выведенные схемы фонетических и фонологических соответствий, установленные лексические и грамматические параллели объявлялись следствием генетического родства этих языков. Основываясь на установленных совпадениях, определялся звуковой и грамматический строй, лексический состав гипотетического алтайского праязыка, в существование которого ортодоксальные алтаисты глубоко верили вслед за Г.И. Рамstedтом. В.Л. Котвич же, тщательно изучив проблему и накопленные в алтаистике фактические материалы по выявленным сходствам, пришел к выводу, что установленные сходные параллели являются во многом результатом разнообразных контактов и взаимодействий тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Многие компаративисты стали разделять убеждения В.Л. Котвича. В алтаистике стало развиваться движение антиалтаистов. К концу XX в. в недрах алтаистики возникло два течения: ортодоксальных алтаистов и антиалтаистов.

Занимаясь вот уже в течение полувека, с 1957 г., со студенческих лет и поныне различными проблемами тюрко-монгольского языкознания, выявляя тюркские заимствования в монгольских языках, а монгольские в тюркских, сравнивая между собой звуковой и грамматический строй тюркских и монгольских языков, обращая внимание также и на значительные, имеющие принципиальный характер различия в строе этих языков, мы стали склоняться к мнению о том, что В.Л. Котвич прав. Занимаясь изучением современных монгольских языков и их диалектов, старомонгольским и ойратским письменными языками, средневековым монгольским языком, мы все больше и больше убеждались, насколько глубоко пропитаны монгольские языки тюркским влиянием на всех языковых уровнях, насколько широко представлены в монгольских языках тюркские лексические и грамматические элементы. При этом мы видели, что тюркизмы в монгольских языках, а монголизмы в тюркских не являются элементами гипотетического тюрко-монгольского, а тем более мифического алтайского праязыка, но представляют собой словоформы явно тюркского происхождения в монгольских языках и явно монгольские по происхождению в тюркских. Причем нами установлено, что это не абстрактные безликие «тюркизмы» и «монголизмы», а заимствования из конкретных определенных тюркских языков в определенные монгольские языки и их ареалы и, соответственно, в определенные тюркские языки и их ареалы из определенных монгольских языков. Нам хотелось бы разобраться с историей тюрко-монгольских взаимоотношений и направлением заимствований, их конкретизацией. Применяя выработанные нами критерии, мы рассмотрели всю выявленную массу тюрко-монгольских общих элементов и пришли к выводу, что установленная тюрко-монгольская языковая общность неоднородна по своему составу и структуре. Большую часть этих общих элементов представляют собой разновременные тюркские заимствования в монгольских языках. Выявляется при этом принадлежность тюркских заимствований к разным тюркским языковым ареалам. Аналогично и монголизмы при этом по-разному представлены в разных тюркских языках и их ареалах, составляя отдельную самостоятельную группу общих тюрко-монгольских языковых элементов. Третья часть — это подлинно тюрко-монгольские общие элементы неизвестного происхождения, требующие специального анализа. Возможно, что именно эти элементы и представляют собой остатки общеалтайского праязыка, если допустить реальность существования такового.

В первой главе анализируется тюркское влияние на лексику монгольских языков. При этом в данной главе не преследуется цель описать

все тюркские лексические элементы, выявленные в монгольских языках, и дать их исчерпывающий перечень. Здесь мы ставим перед собой более скромную цель: показать неоднородный сложный состав монгольских тюркизмов и их самостоятельное бытование в разных монгольских языках и их диалектах. Проблема изучения монгольских тюркизмов в таком аспекте еще не ставилась.

Данная глава выполнена на основе идей, выношенных нами в течение многих десятилетий в процессе наших самостоятельных поисков выхода из сложившегося теоретического и методологического тупика, в который зашла алтаистика, и на базе материала из монгольских и тюркских языков, который был выбран нами не только из опубликованных лексикографических, лексикологических, диалектологических, этимологических и иных источников, но и из наших полевых диалектологических записей, произведенных нами во время экспедиций в места расселения носителей монгольских и тюркских языков и их диалектов. Учтены были также и исследования предшественников.

При подборе материалов, легших в основу данного сравнительно-исторического анализа на предмет выявления тюркских лексических заимствованных элементов в монгольских языках, нами учитывался по возможности исконный характер тюркской лексики. Мы старались не привлекать слова явно китайского, санскритского, персидского, арабского и иного происхождения, рано попавшие в древние тюркские языки, а через них — в монгольские.

Учитывая то обстоятельство, что старая монгольская лексика наиболее полно представлена в словарях старописьменного монгольского языка, а современная — в словарях халха-монгольского, бурятского, калмыцкого, имеющих письменность и литературные формы, для исследования истории тюркского влияния на монгольские языки были привлечены материалы именно из этих монгольских языков как наиболее репрезентативные.

Монография разделена на шесть глав. В первой главе рассмотрены общие проблемы истории тюрко-монгольских языковых связей. Здесь содержатся разделы, освещающие процессы формирования монгольских этносов, обусловившие их разнообразные контакты и взаимодействие с тюркскими этническими группами, определяющие временную стратификацию и роль контактов в образовании тюрко-монгольской языковой общности; дан раздел, представляющий критерии, позволяющие различать тюркизмы и монголизмы среди общей тюрко-монгольской лексики.

Вторая глава посвящена исследованию тюркского влияния на словарный состав отдельных конкретных монгольских языков и их диалектов.

Здесь выделены разделы, в которых отдельно рассмотрены тюркские заимствования общемонгольского и ареального характера, а также тюркизмы в бурятском, калмыцком и халха-монгольском языках, специфичные для них и их диалектов, а также тюркизмы, встреченные лишь в средневековом монгольском письменном памятнике «Сокровенное сказание монголов», датированном 1240 г. Кроме того, сделана попытка подробно рассмотреть тюркское влияние на лексику двух конкретных общемонгольских тематических пластов — шаманистических терминов и терминов кочевничества.

Монгольскому влиянию на лексику тюркских языков будет посвящена третья глава данной монографии.

Исследование лексики алтайских языков в сравнительно-историческом аспекте имеет большое научное значение, и его необходимо расширять с тем, чтобы, выявив заимствования, более четко определить пласт собственно алтайской общей лексики. Эту мысль в свое время высказывал Г. Д. Санжеев: «По нашему мнению, дальнейшее продвижение вперед сравнительно-исторической алтаистики возможно лишь в случае, если известные достижения первых ее опытов в области фонетики и отчасти морфологии будут дополнены исследованиями, во-первых, по исторической грамматике и диалектологии отдельных алтайских языков и, во-вторых, по лексикологии и этимологии. Особенно были бы важными для алтаистики также сравнительно-исторические и этимологические изыскания, в результате которых оказалось бы вполне возможным ясно определить, что же представляют собой алтайские языки в лексическом отношении, что же в их лексике относится к исконному общеалтайскому достоянию, т.е. восходит к словарному составу предполагаемого алтайского праязыка, и что же из лексически их ныне объединяющего необходимо признать ранними или позднейшими заимствованиями как из одних алтайских в другие, так и из прочих, неалтайских языков в Евразии» [Санжеев 1958: 26].

Последующие главы данной монографии посвящены выявлению соотношения исконных монгольских и заимствованных тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности для попытки окончательного установления реальности существования в прошлом тюрко-монгольского праязыка. Как известно, алтаистика как научная гипотеза о предполагаемом родстве тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков в качестве отдельного самостоятельного направления сравнительно-исторических исследований зародилась в начале XVIII в. Первые алтаисты были ограничены фактическим материалом, поскольку в их распоряжении находились главным обра-

зом старописьменный монгольский язык, из тюркских языков — чагатайский, из тунгусо-маньчжурских — маньчжурский. Сравнивая эти материалы, ученые приходили к выводу о большей близости монгольских и тюркских языков, опираясь в основном на лексическую близость, возникла гипотеза о тюрко-монгольском праязыке. В.Л. Котвич подсчитал, что между тюркскими и монгольскими языками совпадают примерно 25% лексики и около 50% грамматических элементов. В последние годы сформировалась другая точка зрения, отрицающая генетическое родство алтайских языков и относящая многочисленные общие элементы к разновременным заимствованиям.

Таким образом, бытует два подхода к тюрко-монгольским общим элементам: ортодоксальные алтаисты любой общий элемент, будь то в лексике или в грамматике, считают наследием общего праязыка, антиалтаисты относят общие элементы к заимствованиям как следствию разнообразных контактов. Спорный, неоднозначный характер взглядов на сложившуюся тюрко-монгольскую лингвистическую общность очевиден. Следует отметить, что представители разных точек зрения оперировали главным образом лексическим и фонетическим материалом, оставляя в стороне грамматику, которая до сих пор является наименее изученной областью. Выявленные В.Л. Котвичем 50% общих тюрко-монгольских морфологических элементов при ближайшем рассмотрении оказываются главным образом в большинстве своем словообразовательными моделями в тюркских заимствованных словах, меньше всего их оказывается в области словоизменения и формообразования. При этом до конца не выяснен статус этих общих грамматических элементов, а именно: являются ли они восходящими к алтайскому праязыку или это все-таки заимствование? Чтобы окончательно определить подлинный характер всех этих выявленных общих грамматических тюрко-монгольских элементов, установить реальное соотношение исконных и заимствованных грамматических элементов в составе тюрко-монгольской лингвистической общности, необходимо выполнить специальное исследование в аспекте словоизменения, формообразования и словообразования, привлекая для этой цели не только классические старомонгольский и чагатайский языки, но наряду с ними современные монгольские и тюркские литературные языки и их диалекты, а также выявленные памятники этих языков, относящиеся к разным эпохам. В этой связи выполнение данного исследования позволит получить новый материал, опираясь на который будет возможным установить, существовал ли в реальности тюрко-монгольский праязык или все же современный монгольский язык является по своему происхождению гибридным языком с большим

количеством тюркских заимствованных элементов, не только лексических, но и грамматических. Все это предопределяет высокую актуальность и большую научную значимость данного исследования.

Мы ставим в настоящем труде следующие задачи. Путем тотального сравнения тюркских и монгольских морфологических элементов по всем частям речи в аспекте словоизменения, формообразования и словообразования установить наличие общих и разностных элементов. Проведя сравнительно-исторический и необходимый этимологический анализ выявленных общих морфологических элементов, определить соотношение этих элементов со специфическими чертами в области грамматики как тюркских, так и монгольских языков. При этом оценить глубину и широту проникновения заимствованных грамматических элементов и их соотношение с исконными элементами. Решение этих задач явится той научной базой, опираясь на которую станет возможным установление реальности существования в прошлом тюрко-монгольского праязыка в рамках алтайской языковой общности.

ГЛАВА I

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВЫХ СВЯЗЕЙ

1.1. К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ В ДВУХ АРЕАЛАХ

Тюркские и монгольские языки, как известно, вместе с тунгусо-маньчжурскими давно уже считаются родственными и объединяются в одну так называемую группу «алтайских языков», названных так потому, что их формирование происходило якобы в обширной географической зоне Алтая. К этим языкам впоследствии стали причислять корейский и японский языки [Рамстедт 1957: 15]. Гипотеза о родстве не только алтайских языков между собой, но и о их родстве с уральскими языками [Räsänen 1965], к которым относятся финно-угорские и самодийские языки, зародилась в XVII в., окрепла с накоплением фактического материала в XVIII в. и стала активно разрабатываться в XIX в. Поскольку о гипотезе родства урало-алтайских языков и об истории ее изучения подробно писал в XX в. российский ученый Дж. Г. Киекбаев [Киекбаев 1972; 1996], здесь мы не будем об этом говорить, а отсылаем читателя к его трудам. Занимаясь вплотную сравнительно-историческим изучением строя уральских и алтайских языков, Дж. Г. Киекбаев пришел к следующему выводу: «Путем структурного анализа грамматического строя урало-алтайских языков можно установить, что модель образования их грамматических форм едина и в своей основе сходна. Однако это свидетельствует не только о типологическом сходстве, но и о генетическом родстве названной семьи языков, т. е. об их общем происхождении» [Киекбаев 1996: 11].

Обширная семья урало-алтайских языков, по его мнению [Киекбаев 1972: 3–14], делится на две большие ветви: уральскую и алтайскую. Каждая из них состоит из больших групп: уральская — из финно-угорской и самодийской, а алтайская — из монгольской, тунгусо-маньчжурской и тюркской.

Образовались урало-алтайские языки в результате территориального разобщения существовавшего еще в доисторические времена единого языка-источника, или языка-основы.

Как утверждает Дж. Г. Киекбаев [Киекбаев 1972: 24], урало-алтайская языковая общность существовала приблизительно до X тысячелетия до н.э. Выделившаяся из нее после ее распада алтайская языковая общность продолжала существовать примерно до VI тысячелетия

до н.э., уральская — до VI–V. Алтайская общность стала распадаться на тюрко-монгольскую и тунгусо-маньчжурскую языковые общности где-то с VI тысячелетия до н.э. Образовавшиеся тюрко-монгольский и тунгусо-маньчжурский языки-основы просуществовали примерно до IV тысячелетия до н.э., а затем распались на монгольский, тюркский и тунгусо-маньчжурский праязыки, которые стали делиться на конкретные языки приблизительно со II тысячелетия до н.э. Приведенная здесь схема и примерная хронология распада урало-алтайской языковой общности выработана Дж. Г. Киекбаевым и представляет его точку зрения. В самом же алтайском языкознании, которое оформилось как самостоятельная отрасль общего сравнительно-исторического языкознания на подлинно научной основе лишь в XIX в. [Насилов 1978: 92], вопросы лексикостатики почти не разработаны, поэтому в исследованиях алтаистов (Б. Я. Владимирцова, Г. И. Рамstedта, В. Л. Котвича, Н. Поппе, Н. А. Баскакова и др.) не освещается хронология существования алтайской языковой общности и времени ее распада.

В алтаистических работах нет также единства взглядов на процесс распада алтайской общности. Так, Б. Я. Владимирцов [Владимирцов 1929: 47] считал, что протоалтайский язык сначала разделился на две ветви: на тюрко-монгольский язык-основу и на тунгусо-маньчжурский праязык. От тюрко-монгольского праязыка впоследствии образовались тюркский и монгольский языки-основы. Такого же мнения придерживался и Н. А. Баскаков [Баскаков 1962: приложение 2].

Г. И. Рамstedт [Рамstedт 1957: 15] выделяет из алтайской языковой общности тунгусо-маньчжуро-монгольский праязык отдельно от тюркского и включает в число алтайских языков также и корейский язык.

Вслед за Г. И. Рамstedтом Н. Н. Поппе [Porre 1960: 8] тоже делит алтайский язык-основу на две ветви: 1) на тюрко-монголо-тунгусо-маньчжурскую языковую общность, которая впоследствии разделилась на прототюркский язык и монголо-тунгусо-маньчжурскую языковую общность; 2) на древнекорейский язык, из которого изолированно развился современный корейский язык. Древнекорейский язык первым выделился из алтайской языковой общности. Из монголо-тунгусо-маньчжурской языковой общности впоследствии через протомонгольский и прототунгусо-маньчжурский языки развились отдельно монгольские и тунгусо-маньчжурские языки.

Как можно видеть, схемы распада алтайской языковой общности, предложенные Г. И. Рамstedтом и Н. Н. Поппе, принципиально отличаются от схем Б. Я. Владимирцова и Н. А. Баскакова, точку зрения ко-

торых разделял, кстати, и Г. Д. Санжеев. Последние возводят тюркские и монгольские языки к одному тюрко-монгольскому праязыку. Это положение было принято в советской алтаистике, что стимулировало в свое время развитие, особенно в исторической тюркологии, специального направления исследований под названием «тюрко-монгольское языкознание», при этом активно велись поиски тюрко-монгольского праязыка. Вера в тюрко-монгольскую языковую генетическую общность базировалась на наличии очень большого количества лексических соответствий, наибольшего среди алтайских языков.

К совершенно иному пониманию процесса и результата развития алтайских языков пришел крупнейший алтаист XX в. В. Л. Котвич. В своей работе [Котвич 1962: 351–352], обобщающей его алтаистические исследования, он пришел к следующему выводу: «При всех указанных условиях вопрос об общем алтайском языке, из которого будто бы выделились отдельные языковые семьи, ставится под сомнение. Во всяком случае, существование этого общего языка следовало бы относить к очень отдаленному прошлому, не менее чем к началу первого тысячелетия до н.э. В эпоху гуннов (начиная с IV–III вв. до нашей эры) уже существовали совершенно обособленные тюркский, монгольский и тунгусский языки с различными словарным фондом и морфологией, близкие друг другу только типологически, то есть в основном только с синтаксической точки зрения. Сходство и совпадения чаще всего связывали между собой тюркские и монгольские языки, что соответствовало также тюрко-монгольским территориальным, экономическим и политическим отношениям. Тунгусские языки стояли значительно дальше как от тех, так и от других. <...> Что же касается конкретных отношений между вышеупомянутыми совпадениями и сходством, то на основе существующего, очень неполного материала можно вообще полагать, что в монгольском языке имеется около 25% лексических и около 50% морфологических элементов, общих с тюркскими; в тунгусском чуждых (монгольских и тюркских) лексических элементов имеется, по-видимому, не более 10%, а морфологических элементов около 5%. Можно ли, исходя из этих данных, говорить о существовании особой алтайской языковой семьи? На этот вопрос следует отвечать утвердительно. Однако ее основу составляют не генетические связи, а типологическое сходство, которое объясняется тем, что тюркские, монгольские и тунгусские языки идут в своем развитии по одному пути, с незначительными отклонениями. Они находятся теперь на разных стадиях развития: вперед выдвинулись тюркские языки, за ними непосредственно следуют монгольские, забегая иногда вперед, и, наконец, довольно далеко позади них идут

тунгусские. Контакты способствуют углублению сходства этих языков, которое выражается во взаимном проникновении лексических и морфологических элементов». В то же время В. Л. Котвич [Котвич 1962: 352] не отрицал существования и самой гипотетической алтайской языковой общности, которая, по его мнению, если и существовала, то очень давно, еще в древний каменный век и притом распалась весьма рано. Затем уже самостоятельные уральские и алтайские языки развивались в условиях взаимных контактов, вырабатывая типологически общие черты своего грамматического строя и взаимообогащаясь лексическими элементами.

Таким образом, как можно видеть из приведенного обзора, в алтаистике выработались два мнения: ортодоксальные алтаисты (Б. Я. Владимирцов, Г. И. Рамstedт, Н. Н. Поппе и их последователи) считают все общие элементы в алтайских языках наследием генетической общности этих языков, хотя и признавали роль контактов и заимствований, а В. Л. Котвич и его последователи убеждены, что большая часть этой общности развилась в результате многотысячелетних контактов и взаимовлияния алтайских языков друг на друга. Особенно активно эти процессы протекали между тюркскими и монгольскими языками, что и обусловило такое большое количество общих элементов в этих языках. Активные сравнительно-исторические и сопоставительные исследования строя монгольских и тюркских языков, которые мы проводили непрерывно в течение вот уже полувека, убеждают нас в правоте точки зрения В. Л. Котвича и его сторонников. Мы тоже приходим к выводу, что так называемая тюрко-монгольская языковая общность есть результат длительных взаимных контактов монгольских и тюркских языков.

Вопрос о взаимоотношениях монгольских языков с тюркскими, о влиянии тюркских языков на монгольские и наоборот далеко не нов. Так, еще в начале века Б. Я. Владимирцов в одной из своих работ [Владимирцов 1911: 169–177] специально рассмотрел тюркские элементы в монгольских языках и наметил методику изучения этой проблемы, которой в дальнейшем придерживались отечественные востоковеды. В своих последующих трудах, особенно касающихся сравнительно-исторической грамматики монгольских языков [Владимирцов 1929], он постоянно привлекал соответствующий материал из тюркских языков. Доказательством того, что интерес ученых к данной проблеме не угас и до сего дня, могут служить исследования разных авторов, как, например, статьи Г. Д. Санжеева [Санжеев 1947; 1971; 1973], Б. А. Серебренникова [Серебренников 1980; 1983], С. С. Харьковской [Харькова 1992], монография А. М. Щербака [Щербак 1997], посвященная ранним тюрко-монгольским языковым связям.

Взаимоотношения тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, как уже было сказано выше, активно разрабатывались в плане алтаистики [Котвич 1962; Рамстедт 1957; Порре 1960; 1965], о чем неоднократно писал, например, А. М. Щербак [Щербак 1959; 1968]. Затрагивались они и нами [Рассадин 1987; 1989а]. Но поскольку решение алтаистической проблемы зашло в тупик, то мы считаем, что необходимо менять методику алтаистических исследований, о чем уже неоднократно говорилось [см., например, Рона-Таш 1974; Серебренников 1988; Серебренников, Харьковова 1983; Рассадин 1992]. Одним из выходов в создавшейся ситуации, мы полагаем, является подробное рассмотрение контактов и взаимодействия конкретных языков, входящих в семью алтайских языков, например, тюркских и монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских, монгольских и тунгусо-маньчжурских и т. д. При этом нужно выявить в каждом из этих языков бесспорные заимствования из конкретного контактирующего языка. Только в таком случае, после исключения из алтаистического анализа явных заимствований, можно рассматривать как общеалтайские оставшиеся сходные элементы и анализировать уже их. Для точного определения заимствований необходимо выработать четкие критерии, при помощи которых можно было бы вычленять явные тюркизмы, монголизмы и тунгусо-маньчжуризмы в алтайских языках. Работа в установлении таких критериев ведется, и хотя еще трудно говорить о выработке окончательных и общепризнанных критериев, все же определенные результаты есть. Здесь можно, например, упомянуть критерии определения тюркизмов в монгольских языках, предложенные А. Рона-Ташем [Рона-Таш 1974: 31–45], Б. А. Серебренниковым [Серебренников 1988: 33–41], С. С. Харькововой [Харькова 1988: 75–82]. Мы тоже предложили критерии отграничения тюркизмов от монголизмов и выявления монголизмов в тюркских языках [Рассадин 1980: 5–7].

Убедительное свидетельство о древности влияния тюркских языков на развитие, например, лексического состава монгольских языков, относящегося еще к эпохе бронзы, находим в исследовании А. Рона-Таша [Рона-Таш 1974: 37]. Дж. Клосон, изучавший тюрко-монгольскую языковую проблему [Clauson 1962], тоже пришел к выводу, что монгольские языки испытали сильное тюркское влияние. О ранних (VIII–XIV вв.) тюрко-монгольских языковых связях писал в одной из своих работ и А. М. Щербак [Щербак 1997]. Поэтому не вызывает никакого сомнения важность выявления в тюрко-монгольских языковых параллелях взаимных заимствований.

Здесь мы хотели бы коснуться взаимоотношений тюркских языков с монгольскими и поставить проблему тюркизмов в монгольских языках, проникших в разные эпохи в разные монгольские языки или их ареалы.

Поскольку тюркские и монгольские этносы контактируют вот уже многие тысячи лет на ограниченной территории Центральной Азии, в их языках, само собой разумеется, накопилось определенное количество общих элементов, причем как в лексике, так и в грамматике. Подсчет В. Л. Котвича, произведенный им в процессе изучения взаимодействия алтайских языков, как уже приводилось выше, показал, что между тюркскими и монгольскими языками выработалось около 50% общих элементов в грамматике и около 25% в лексике [Котвич 1962: 351]. Это очень большие проценты сходства. Но при этом не все из них можно считать общеалтайскими элементами. При ближайшем рассмотрении оказалось, что многие из этих элементов являются либо тюркизмами в монгольских языках, либо монголизмами в тюркских. Считаем, что имеет большую перспективу рассмотреть более подробно отдельно тюркизмы и отдельно монголизмы. В монголоведении уже делалась попытка выделения явных тюркизмов в монгольских языках и их диалектах, о чем свидетельствуют, например, исследования Владимирцова [Владимирцов 1911], Санжеева [Санжеев 1971], Поппе [Рорре 1955], Харьковской [Харькова 1983; 1988; 1992], а также некоторые наши работы [Рассадин 1969: 129–134; 1970: 52–58; 1983: 70–89; 1987: 169–178; 1988: 62–75; 1995: 108–115]. Однако ввиду ее сложности есть необходимость изучить проблему тюркизмов в монгольских языках комплексно и более подробно.

В связи с тем, что взаимодействие тюркских и монгольских языков уходит своими корнями в глубокую древность, в монгольских языках имеются явные тюркизмы, носящие общемонгольский характер. Они проникли в монгольские языки еще на уровне общемонгольского праязыка и представлены во всех монгольских языках. К таким словам относятся, например, названия некоторых металлов и веществ (монг. *altan* < тюрк. *altun* «золото», монг. *temür* < тюрк. *temir* ~ *temür* «железо»), почти все названия домашних животных, кроме терминов по лошади, свинье и собаке (монг. *üniyen* < тюрк. *inek* ~ **ingek* «корова», монг. *temegen* < тюрк. *tebe* «верблюд», монг. *qonin* < тюрк. *qoj* ~ *qojin* «овца»), термины по ландшафту, по общественным отношениям, армии и т. д. Именно эти и подобные им слова обычны для европейских и отечественных работ по компаративистике, потому что все они представлены в старописьменном монгольском языке и в средневековых монгольских памят-

никах, а также в современных литературных монгольских языках. Этими словами востоковеды начали заниматься еще в XIX–XX вв., и по ним накопилась определенная литература на европейских и русском языках.

Кроме общемонгольских, выделяются тюркизмы, пришедшие еще в древний монгольский язык и сохранившиеся лишь в старописьменном монгольском языке. К ним можно отнести, например, староп.-монг. *jilan* в словосочетании *jilan xišuu sumun* «стрела с уплощенным наконечником» [Голстунский 1938, III: 3586], восходящее к общетюркскому слову *džilan* ~ *yilan* «змея» (< общетюрк. *džil-* ~ *yil-* «ползти извиваясь»), т. е. это стрела с плоским острым наконечником, напоминающим в общих чертах плоскую змеиную голову¹. Сюда же можно отнести и староп.-монг. *uruу tariу* «все родственники, вся родня» [Голстунский 1938, III: 606; Kowalewski 1849: 16696], которое соответствует древнетюркскому *uruу tariу* «родственники», современным тувинскому *уруг-дарыг* «дети, детвора» и тофаларскому *уруг-дарыг* «все родные дети; все родственники в совокупности». При этом каждый компонент этого парного слова в тюркских языках имеет еще другие значения, например, в др.-тюрк. *uruу* — это «зерно, семя, косточка; род, потомство», а *tariу* — «зерно, злаки, хлеб, просо» < тюрк. *tari-* «сеять хлеб, заниматься хлебопашеством». В памятниках средневекового монгольского языка тоже выявляется заметное количество слов тюркского происхождения [Рорре 1955]. Так, специальный анализ языка «Сокровенного сказания монголов» 1240 г. позволил нам установить, что в нем представлены такие явные тюркизмы, как *алашас* «кони», *ал* «красный, алый», *алгинчи* «передовой отряд, головной пикет, дозорный», *алачук* «палатка, шатер, шалаш», *оурчак* ~ *оорчак* «разбойники», *олук йасун* «мертвые кости», *утураку* «идти впереди всех» и т. д., подробнее см.: [Рассадин 1995: 108–115]. В словаре «Мукаддимат ал-Адаб», содержащем монгольский языковой материал XIV в. [Поппе 1938a], бытовавший в свое время в Средней Азии, тоже выявляется немало тюркских лексических элементов, вошедших в этот монгольский язык, таких, например, как *кайгу* «горе, печаль», *сай* «овраг», или попавшие через тюркский язык арабизмы и персизмы *тадж* «корона», *руми* «римский», *раһим* «милосердие», *фетви* «решение» и т. д.

¹ Слово сохраняется также в халха и в ойратской группе: ойр. Джанг. *жилц* «стрела» (*көк зандин жилц* «синесандаловая стрела») [Тодаева 1976: 279]. Калм. *žily* «стрела, гарпун, дротик» (ср. чаг. *žilaŋ*) [Ramstedt 1935: 110]. Этимология из тюркского названия змеи не вполне очевидна: ср. чагат. *žilyan* «большой дротик», *čilyan* «большое копые (neyze-i bozorg)» [Будагов 1869: 385] (по Калькуттскому словарю); также *žila-* чаг. «наложить стрелу на тетиву» [РСл. III: 518] (см.: [Дыбо 2015]). — *Прим. ред.*

Встречаются тюркизмы, присущие определенным ареалам монгольских языков, главным образом либо западному, в основном ойратскому, либо восточному — халха-монгольскому и бурятскому с наличием этого тюркизма и в старописьменном монгольском языке. К восточно-монгольским тюркизмам можно отнести, например, такие слова, как бур. *той* в составе парного слова *той баяр* «праздник», х.-монг. *той* «свадебный пир», староп.-монг. *toi* «свадебный пир, угощение» [Голстунский 1938, III: 113], представляющие собой заимствование общетюркского слова *toj* «пир, угощение».

Иногда встречаются такие ареальные тюркизмы, как калмыцко-монгольские типа монг. *эсэн*, калм. *эси* «здоровый, не больной» < тюрк. *esen* id. [Севортян 1974: 308–309]; бурятско-калмыцкие типа бур. *хэдэр*-, калм. *көдр*- «накидывать на плечи, надевать» < тюрк. *keDir*- < *ked*- «надевать».

В то же время в современных монгольских языках и их диалектах есть немало собственных тюркских лексических заимствований, говорящих о своих отношениях этих монгольских языков с тюркскими. Это можно видеть, например, на материале бурятских тюркизмов [Рассадин 1969; 1987: 173–178; 1996: 132–150], таких как зап.-бур. *hab*, вост.-бур. *habaгша* «сухожильная нить для шитья» < тюрк. *sap, sabaq* «нить; стебель»; бур. *бугааг* «браслет» < др.-тюрк. *buqay* id.² В каждом из бурятских диалектов и говоров тоже имеются свои тюркизмы, как, например, зап.-бур. *шихан* «чирей» < тюрк., ср. каз. *шыькан*, уйг. *чийкан*, кирг. *чыткан* id.; *саажа* ~ *шаажа* «женская коса» < тюрк. *сач* ~ *чач* «волосы на голове человека»; *баран* «весь, все, всё» < др.-тюрк. *barin* id.; вост.-бур. *туюун* «плотный комок снега, грязи, налипающий под копытом лошади» < др.-тюрк. *тууу* «копыто»; *бүхэ*- «приесться» < др.-тюрк. *bök*- «передать, пресыщаться; наесться; быть довольным». Примерами тюркизмов в бурятских говорах могут послужить, например, окинско-бурятские [Рассадин 1996: 146–149] *даспан* «самка домашнего оленя до двух лет» < тув., тоф., сойот. *даспан* «двухгодовалый северный олень»; *согоног* «палочка-шток у намордника олененка» < тоф., сойот. *согунак* id.; *солбог* «жердь-лежень», к которой привязывают оленят во время дойки оленух < тоф., сойот. *салбак* id. < тоф., сойот. *сал*- «класть, положить»; *этээр* «бык-производитель домашнего северного оленя» < тоф., сойот. *этэр чары* id.; нижеудинские бурятские [Рассадин 1988: 70–72; 1999: 141–142] *инеэн* «лосиха, самка лося» < тоф. *иниг* id.; *куузан* «комнатная

² Ср. еще ср.-монг. Ибн-Мух. 433 [*byu*], калм. *буһу*, ордос. *BuGu* [Mostaert 1941–1942: 91], внутр.-монг. *бугуу*, *бугаа* [Тодаева 1981: 126] ‘браслет’ (подробно см.: [Дыбо 1996, 226]). — *Прим. ред.*

муха» < др.-тюрк. *qoŋuz* «жук»; *курму* ~ *күрмэ* «каменная россыпь, нагромождение камней» < др.-тюрк. *qorut* id. Имеется немало тюркских лексических заимствований и в калмыцком языке [Рассадин 1983; Харькова 1983], причем как общекалмыцких, так и присущих отдельным калмыцким говорам. Примерами общекалмыцких тюркизмов могут послужить такие, например, лексемы, как *ашу* «месть, жажда мщения» < каз. *ашу* «гнев, возмущение» < др.-тюрк. *асӳ* «гнев, озлобление»; *аю* «медведь» < тюрк. *аю* id. [об этимологии см.: Севортян 1974: 112–113]; *барз* «сторожевой пес; дворняжка» < тюрк., ср. др.-тюрк. *baraq* «охотничья собака с лохматой и длинной шерстью», каз. *барак* «порода собаки», ног. *барак* «овчарка, собака с лохматой шерстью». В языке дербетов отмечены такие тюркизмы, как *багц* «сад, огород» < тюрк. *бакча* «сад, садик»; *хаднз* «береза» < тюрк., ср. др.-тюрк. *qadñ* ~ *qadñ* ~ *qajñ*, тат. *каен* «береза», об этимологии см.: [ЭСТЯ 1997: 213–215]³; у торгутов — *хайаар* «огурец» < тюрк., ср. ног. *хыяр*, каз., тат. *кыяр* id.; *чис* ~ *чиш* ~ *шиш* «тонкий шест, жердь» < тюрк., ср. др.-тюрк. *šïš* ~ *šïš*, общетюрк. *шиш* «вертел», откуда тюрк. *шишлик* «мясо, жареное на вертеле», давшее русск. *шашлык* id.; у бузавов — *ценг* «вилы» < тюрк., ср. каз. *сенек*, тат. *сэнэк*, башк. *һәнәк* id.; у элютов — *булдрун* «степной рябчик» [Ramstedt 1935: 59b]; *замх* «штопать, чинить, латать; ремонтировать» [Ramstedt 1935: 466a]; у сарт-калмыков — *апкеч* «коромысло» < кирг. *апкеч* ~ *апкич* id.; *китеп* «книга» < кирг. *китеп* id. (из араб.); *чакы* «железное ведро» < кирг. *чака* id.; у монгольских баитов — *хашик* «ложка» < др.-тюрк. *qašiq* ~ *qašiq* «ложка», *бушхг* «кабус, шкурка с лапок животного, идущая на пошивку обуви» < др.-тюрк. *bišqaq* id. Примерами халха-монгольских тюркизмов [Рассадин 1970] могут служить такие халхаские слова, как *сав* «ум, разум, соображение, мудрость» < др.-тюрк. *sab* ~ *sav* «слово, речь; весть, известие; повествование, история, рассказ; пророчество»; *илбээс* «приманка для рыб; сторожок капкана» < тюрк. *илмек* ~ *илбек* «крючок, зацепка, вешалка» < общетюрк. *il-* «вешать, зацеплять, прицеплять» (об этимологии см.: [Севортян 1974: 343–345]); *оор* в сочетании *оор монгол* «настоящий монгол, истинный монгол» < тюрк., ср. др.-тюрк. *оуиз* «племя и объединение племен», а также племена *оуир*, входившие в состав древних болгаро-хазар и уйгуров [Баскаков 1969: 352]; *хад* «разновидность дикой смородины, растущей на скалах» < др.-тюрк. *qat* «ягоды, плоды»; *адаг* «медведь-губач, южноазиатский медведь» < др.-тюрк. *adïy* «медведь»,

³ Ср. еще письм.-монг. *qadan* [Lessing 1960: 902], халха *xad(an)* «смородина». Собственно калмыцкое заимствование из тюрк. сомнительно, т. к. отражает либо пратюркский, либо тувино-тофаларский фонетический облик слова. О возможных алтайских связях см.: [Дыбо 2006]. — *Прим. ред.*

ср. тув. *адыг*, тат., каз. *аю id.*; *эви адаг* «губач-медведица» — здесь помимо тюркизма *адаг* представлена также тюркская по происхождению лексема *эви* для называния самки, восходящая к древнетюркскому прототипу *ebĭi ~ evĭi*, означающему «женщина», ср. тоф. *эниі* «женщина; самка»; *эвигэс* «самка соболя» < тюрк., ср. тюрк. *эшии* «самка» + *кис* «соболь» (ср. др.-тюрк. *kiš* — это «соболь»); *эрхэс* «самец соболя» < тюрк., ср. тюрк. *эр* «самец» + *кис* «соболь»; *оцог* (ср. староп.-монг. *оџи*) «три камня, используемые в костре в роли тагана для котла» < тюрк., ср. др.-тюрк. *отџиқ ~ оџиқ* «очаг; таган» < тюрк. *от* «огонь; костер».

Продолжается активное взаимодействие тувинского и монгольского языков в ряде районов Тувы, в частности в Терехольском районе (пос. Кунгуртук), а также в Эрзинском и Овюрском районах, в которых живущие там тувинцы даже в быту пользуются монгольским разговорным языком. Во время экспедиций в те районы Тувы нам приходилось общаться там с тувинцами на монгольском языке и производить его запись. Обращает на себя внимание при этом не только влияние монгольского языка на тувинские говоры тех районов, но и проникновение элементов тувинской лексики и грамматики в употребляемый тувинцами монгольский язык. Так, особенно показательно употребление с монгольскими глаголами тувинского модального аффикса *-кса-/-ксе-*, выражающего желание, намерение совершить действие, например, *би ус уугсаж байнав* «я хочу выпить воды», *би гэртээ харигсаж байнав* «я хочу вернуться домой», *чи ирэгсэж байнууч?* «ты хочешь прийти?».

Таким образом, приведенный здесь нами краткий общий обзор взаимодействия монгольских языков с тюркскими показал, что данный процесс, начавшийся в различных ареалах Центральной Азии с незапамятных времен, продолжался в древнетюркскую эпоху, в средние века, происходил в ряде мест незадолго до нашего времени, а в некоторых ареалах продолжается и сейчас. Поэтому изучать взаимодействие монгольских и тюркских языков следует дифференцированно по эпохам и ареалам.

Кроме того, для изучения истории взаимоотношений тюркских и монгольских языков весьма важным является выяснить, в какой степени представлены явные тюркизмы в монгольских языках других ареалов — в монгольских языках и диалектах Внутренней Монголии КНР — дагурском, баргутском, чахарском, ордосском, харчинском, хорчинском, бааринском, жарутском, узумчинском и др., в монгольских языках Китая постюаньского образования — монгорском, шира-югурском, дунсянском, баоаньском, а также в монгольском языке Афганистана. Из предварительных данных явствует, что традиционные монгольские языки

северо-восточного ареала Центральной Азии, что в общих чертах соответствует ареалу Внутренней Монголии КНР, помимо сильного китайского влияния имеют следы не менее сильного влияния тунгусо-маньчжурских языков, особенно заметно это влияние в дагурском языке.

Такое различие в результатах влияния внешнего воздействия на развитие монгольских языков в разных их ареалах — в северном и северо-западном ареале, охватывающем ойратские языки и диалекты, бурятский и халха-монгольский языки, значительным оказывается тюркское влияние; в северо-восточном — тунгусо-маньчжурское — может получить неожиданное объяснение историческими причинами: различиями в эволюционных процессах этногенеза разных монгольских этнических групп. Так, специалистом по этногенезу народов Центральной Азии П. Б. Коноваловым [Коновалов 1999; 2002] выдвигается достаточно обоснованная гипотеза о наличии двух ветвей монгольского этногенеза. В одной из своих работ он приходит к следующему выводу: «...Заслуживает особого внимания тезис об этническом ядре хунну, происходящем из южнманьчжурского этнокультурного очага <...>, шире — из обширного маньчжурско-восточномонгольского хуского этнического субстрата, который после образования западнее от него в районе Ордоса и прилегающих земель хуннской группировки племен стал называться дунхуским, т. е. восточнохуским. Это событие явилось результатом длительного исторического процесса контактов восточных и западных этносов юга Центральной Азии, которые и зафиксировала китайская историография задолго до образования Хуннской степной державы. По нашей интерпретации это было фиксацией процесса образования двух линий развития этносов, которых мы называем двумя ветвями.

Дальнейшая история Центральной и отчасти Восточной Азии показывает, что монгольские этносы в каждой из ветвей развивались по-разному, т. е. до известной степени в разных исторических контекстах. Обозримые пути их этнического развития связаны с судьбой таких этносов и этнополитических образований, как: в дунхуской ветви — ухуань, сяньби, муян, тоба, хи, шивэй, кидань, татар, дагур; в хуннуской ветви: гаогюй, теле, хойху, туюк (ашина), аша (тогон), огуз, уйгур (ойхор), кэрэит, монгол, джунгар. В каждой ветви происходили межэтнические взаимодействия: монгольско-тунгусские в дунхуской, монгольско-тюркские в хуннуской, в каждой из них происходили свои процессы этнотрансформации — этноэволюции.

Итак, лишь с учетом разветвленного этнополитического развития монгольских этносов древности и средневековья, начавшегося с хуннуско-дунхуской этнополитической дивергенции и сопровождавшегося

феноменом суперэтнического характера, можно правильно объяснить этногенез и этническую историю монголов» [Коновалов 2002: 64]. Этими же причинами объясняется, по нашему мнению, наличие огромного количества тюркизмов в ойратском, бурятском и халха-монгольском языках и тунгусо-маньчжуризмов в монгольских языках и диалектах Внутренней Монголии Китая.

1.2. КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ТЮРКИЗМОВ И МОНГОЛИЗМОВ ИЗ СОСТАВА ТЮРКО-МОНГОЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ОБЩНОСТИ

Причина нерешенности алтайской проблемы, на наш взгляд, кроется в не совсем правильной методике проводимых до сих пор исследований. Недаром в последнее время все больше голосов раздается за пересмотр методики, за другой подход к решению проблемы. Нам кажется, прав А.М. Щербак, когда говорит, что «на вопрос о том, с чего целесообразнее начинать исследование алтайской проблемы, следует ответить так: с определения объема и характера лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков. Для этого необходимо сопоставить разные тематические группы лексики, проанализировать параллели, выделить и исследовать заимствования и всесторонне оценить соотношение сходных и различающихся слов» [Щербак 1959: 23].

Чтобы вычленил истинно общеалтайский языковой пласт, на наш взгляд, сначала необходимо выделить в алтайских языках все взаимные заимствования, как лексические, так и морфологические. И только сняв слой безусловных заимствований и выявив бесспорно общие элементы, можно вести сравнительно-исторический анализ на уровне праформ в составе этого общего слоя. Кроме того, необходимо в обязательном порядке привлекать данные археологии, истории, сравнительно-исторической этнографии и фольклористики, а также антропологии и топонимики. Только комплексно, используя данные всех этих дисциплин, можно как-то приблизиться к решению алтайской проблемы.

Автор, будучи монголоведом, в то же время занимавшимся и тюркскими языками, особенно их лексикой, предлагает свое решение проблемы, свое понимание направления заимствований, придя в процессе работы над тюрко-монгольской лексикой к твердому убеждению, что не следует упрощать проблему и рассматривать вместе все тюрко-монгольские параллели, представляя их как нечто однородное, как это делается в некоторых исследованиях. Тюрко-монгольские параллели распадаются минимум на три строго дифференцированные группы:

Научное издание

Валентин Иванович Рассадин

ОЧЕРКИ

по истории сложения
тюрко-монгольской языковой общности

Под редакцией *А. В. Дыбо*

Корректор *М. А. Иванова*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 14.04.2019. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 38. Тираж 300 экз. Заказ № 1785

Издательство «Нестор-История»
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

ISBN 978-5-4469-1609-2

9 785446 916092